

Алёна
БАЖЕНОВА

Тыщка

С ХАРАКТЕРОМ
ПРИТВОРИСЬ МОИМ МУЖЕМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алёна Баженова

**Пышка с характером.
Притворись моим мужем**

«Автор»

2026

Баженова А.

Пышка с характером. Притворись моим мужем / А. Баженова —
«Автор», 2026

– Просто будет неловко, если вы застрянете в кресле. Услышав это, я едва поборолла желание придушить соседа по бизнес-классу. Этот наглый красавчик даже не представляет, как метко попал в мою самую болезненную точку. Год назад муж изменил мне и публично унижил, заявив, что его давно не устраивает мой размер. С тех пор я пыталась изменить себя: строила карьеру, худела, ходила к психологу и училась наконец-то любить себя. Теперь я лечу на море бизнес-классом, чтобы наконец-то выгулять новую себя. Вот только отпуск с самого начала идёт не по плану. Во-первых, я умудрилась проснуться в одной постели с тем самым самолетным хамом. Во-вторых, прямо в лобби отеля я столкнулась с бывшим мужем и его новоиспеченной женой. И почему-то в этот момент мне в голову приходит совершенно безумная идея. Может, этот невозможный бугай согласится ненадолго притвориться моим мужем? Осталась сушая мелочь. Уговорить мужчину, который терпеть меня не может.

© Баженова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алёна Баженова

Пышка с характером.

Притворись моим мужем

Пролог

Я стою возле огромного зеркала в дамской комнате ресторана и уже минут пять пытаюсь понять, не слишком ли сильно это платье обтягивает живот.

Наверное, всё-таки слишком.

Надо было надеть чёрное – оно всегда делает меня хотя бы визуально стройнее, а не это нежно-бежевое безобразие, в котором дорогие ресторанные лампы будто специально подсвечивают каждый лишний килограмм.

Хотя утром Антон сказал, что я красивая. Даже по заднице хлопнул, когда я крутилась перед зеркалом.

Я тогда рассмеялась и спросила: «Это ты сейчас искренне или потому что у нас годовщина?», на что он, не отрываясь от телефона, отмахнулся: «Маш, прекрати. Ты себя накручиваешь».

Накручиваю. Конечно. Я вообще в последнее время только этим и занимаюсь: накручиваю себя, маниакально считаю калории, взвешиваюсь по утрам и обещаю, что больше никогда в жизни не притронуся к сладкому.

А потом срываюсь после очередного тяжёлого дня, жру ночью мороженое прямо из ведёрка и ненавижу себя ещё сильнее.

Замечательная схема.

Особенно когда твой муж выглядит как реклама швейцарских часов, а ты рядом с ним вечно чувствуешь себя женщиной, занимающей слишком много места.

Шумно выдохнув, я одёргиваю платье на бёдрах и всё-таки выхожу обратно в зал.

И сразу улыбаюсь, потому что мои старания того стоили – зал ресторана выглядит просто волшебным.

Я почти три месяца всё это организовывала: искала площадку, выбирала меню, декораторов, музыку и фотографа. Даже видео смонтировала сама, собрав по крупицам наши фотографии за пять лет, совместные поездки и смешные домашние ролики, где мы ещё счастливые и постоянно ржём друг над другом.

Мне почему-то ужасно хотелось напомнить Антону, какими мы были раньше.

Потому что в последнее время между нами что-то не то.

Нет, он не стал грубым или злым – скорее, наоборот. Какой-то чересчур спокойный и отстранённый.

Раньше он хотя бы спорил со мной, подкалывал, целовал в макушку, пока я готовила, а сейчас осталась только работа, телефон и вечное: «Маш, я устал».

И я, естественно, решила, что проблема во мне. Поверила, что если я похудею, стану красивее, легче и сексуальнее, то всё снова станет как раньше.

Сегодня мне очень хочется в это верить.

Антон сидит за столом с друзьями и смеётся над какой-то историей своего брата.

Он красивый до невозможности: белоснежная рубашка, небрежно закатанные рукава, дорогие часы, лёгкая щетина. На таких мужчин всегда смотрят, и я это слишком хорошо знаю.

Заметив меня, он подзывает к себе лёгким движением руки, и у меня внутри всё равно теплеет.

Пять лет вместе, а я до сих пор радуюсь каждой мелочи, словно преданная собачка.

Он притягивает меня за талию, целует в висок и лениво спрашивает:

– Ну и где мой обещанный сюрприз?

– Уже скоро, – я улыбаюсь ещё шире.

Подготовленное видео было главной частью вечера. Мне так хотелось, чтобы он посмотрел его и вспомнил, что мы всё ещё семья, что мы всё ещё любим друг друга. Что все эти кризисы, проблемы и моя бесконечная война с собственным телом – просто сложный период, а не конец.

Свет в зале мягко приглушается, гости начинают аплодировать, а техник у экрана показывает мне поднятый вверх большой палец.

Я чувствую такое волнение, будто сейчас выхожу замуж во второй раз.

Экран вспыхивает.

Но вместо нашей свадебной фотографии на нём появляется изображение кухни. Нашей кухни.

Сначала я вообще не понимаю, что происходит. Тупо смотрю на экран, пытаюсь сообразить, почему вместо тщательно смонтированного ролика транслируется непонятная запись.

А потом в кадре появляется Антон. В домашней футболке, с чашкой кофе в руке.

Дата в углу экрана – три дня назад.

У меня внутри всё медленно леденеет. Особенно в тот момент, когда следом за ним на кухню входит какая-то длинноногая брюнетка. В моем халате!

Она подходит к Антону со спины, по-хозяйски обнимает за шею и что-то шепчет на ухо.

А он смеётся.

Так смеются люди, у которых всё давно и хорошо.

По залу прокатывается растерянный гул, но я почти ничего не слышу из-за шума в ушах.

Я просто стою и смотрю, как чужая женщина хозяйничает на моей кухне: открывает мой холодильник, пьёт из моей кружки и целует моего мужа так, будто имеет на это полное право.

А затем она смотрит в камеру. Поднимает голову и улыбается прямо в объектив.

От этой улыбки у меня внутри всё переворачивается, потому что понимаю – это не случайность.

Она прекрасно знала, что я это увижу.

– Слушай, – смеётся брюнетка, проводя ладонью по груди Антона, – Я в её вещах как в палатке. Она вообще в курсе, что 54 размер – это уже сигнал о том, что пора худеть.

Несколько человек за ближними столами неловко отводят глаза.

А я стою посреди собственного праздника и чувствую, как меня медленно, безжалостно раздевают перед полным залом.

И хуже всего то, что Антон даже не пытается её остановить.

Он лишь усмехается и совершенно спокойно отвечает:

– Если честно, мне уже надоело делать вид, что меня не смущает её размер. Она уже давно меня не заводит. Хочется обнимать женщину, чтобы чувствовать, какая она изящная, хрупкая. Как ты.

В этот момент внутри меня что-то окончательно ломается.

Глава 1

– Маш, ты сейчас опять передумаешь и купишь эконо́м, да?

Я отрываю взгляд от экрана ноутбука и мрачно смотрю на подругу.

Лена сидит напротив с кружкой остывающего кофе и таким выражением лица, будто готовится проводить жёсткую финансовую интервенцию и отобрать у меня карточку.

На экране светится итоговая стоимость билетов. Сумма там такая, что моя совесть голо́сом моей матери тоненько вызывает к моему разуму.

«Да на такую сумму можно месяц жить ни в чём себе не отказывая».

Приходится спорить с ним.

«А что, я не могу себе этого позволить? Зря, что ли, год пахала в режиме отработать и доползти до кровати?»

– Нет, не передумаю, – бурчу я, хотя пальцы, зависшие над тачпадом, предательски леденеют, а курсор мыши дрожит. – Мой психолог сказала, что я должна научиться себя любить.

– Я понимаю, Маш... но, блин, это ведь всего семь часов полёта. Всего семь часов, а не семь дней в плацкарте до Владивостока. Зачем тебе этот бизнес-класс?

Зачем? Потому что я хочу хоть раз в жизни почувствовать себя человеком, а не уставшей тёткой, которая весь отпуск разгибает затёкшую спину после зажатого кресла у туалета. Потому что весь последний год, после того как мой брак с оглушительным треском развалился, я пахала как проклятая, собирая себя по кускам. Потому что я, чёрт возьми, имею на это право.

Но вслух сказать это уверенно почему-то не получается.

В голове тут же на полную громкость включается мамина интонация: *«Машенька, ну это же откровенная глупость. Эконом ничем не хуже, там тоже кормят. Лучшие бы деньги отложила, мало ли что. Ты вообще понимаешь, сколько всего полезного можно купить на эту сумму?»*

Понимаю. Я вообще слишком хорошо умею считать деньги.

Эта привычка въелась в подкорку особенно сильно после развода, когда пришлось учиться выживать заново.

Я шумно выдыхаю, зажмуриваюсь и с силой вдавливаю кнопку мыши – быстрее, чем успеваю в очередной раз передумать.

– Всё. Оплачено.

Ленка округляет глаза и крутит пальцем у виска:

– Ты ненормальная.

– Нет, Лен. Я в терапии, – нервно усмехаюсь я, откидываясь на спинку стула.

Смотрю на зелёную галочку «Успешная оплата», и улыбаюсь. Пора уже расслабиться и подумать о море, пляже и солнышке.

Ленка начинает ржать, а у меня где-то под рёбрами всё равно противно и мелко покалывает.

Даже спустя год самостоятельной жизни мне физически тяжело тратить деньги на себя.

На еду, на коммуналку, на нужды мамы – пожалуйста, рука не дрогнет.

На подарки другим – легко и с радостью.

Но стоит захотеть чего-то для собственного удовольствия, как внутри моментально собирается целый консилиум тревожных женщин: мама, бабушка, тётя Нина и какая-то безымянная строгая прабабка, которая явно пережила войну и теперь с небес осуждает меня за транжирство.

Мой психолог бы мной сейчас наверняка гордился.

«Вы всё время живёте так, будто базовый комфорт нужно выстрадать и заслужить», – говорил он на одном из сеансов.

Тогда я сидела напротив него, нервно расковыривая заусеницу, и думала, что за чушь он несёт.

А теперь, кажется, начинаю понимать.

Я действительно всю жизнь существовала в режиме вечного извинения: не слишком ли дорогой крем я взяла, не слишком ли калорийный десерт заказала, не слишком ли яркое платье надела... не слишком ли много места я вообще занимаю в этом мире.

Поэтому сейчас я лечу на море в бизнес-классе. И жить мы будем в дорогом отеле. И плевать.

Ну... почти плевать. Потому что, когда с карты списывается очередная кругленькая сумма за люксовый номер, у меня всё равно начинает дёргаться левый глаз.

Ленка, которой я одолжила половину суммы на эту поездку, до последнего отговаривала меня от отеля, убеждая, что нам там «только спать», а главное – чтобы море шумело и коктейли были холодными.

Но мне вдруг до одури, до слёз захотелось красивой жизни. Хотя бы на жалкую неделю. Чтобы халат в номере был белый, пушистый и пах дорогим кондиционером.

Чтобы бассейн с вечерней подсветкой.

Чтобы заказывать еду в номер и не переводить цены в уме на стоимость продуктов из супермаркета.

Чтобы хоть раз в жизни не чувствовать себя женщиной, которая экономит на себе.

И вот мы наконец в салоне бизнес-класса, обвешанные безразмерными шоперами, паке-тами из дьюти-фри, и пытаемся разместить свои четыре чемодана ручной клади.

И изо всех сил пытаюсь делать вид, что мы тут свои и вообще всегда так путешествуем.

Получается откровенно паршиво.

Ленка уже минут десять нервно озирается по сторонам и шипит мне прямо в ухо:

– Маш, мне кажется, нас сейчас с позором выведут.

– За что? – я безуспешно пытаюсь запихнуть пухлый пакет с косметикой под впереди стоящее кресло.

– За количество барахла. Мы выглядим как челночницы в дорогом интерьере.

Я фыркаю и упрямо поправляю сползшую лямку сумки. Ну да, сумок многовато.

Но, во-первых, мы летим на целых две недели.

Во-вторых, я из принципа не собиралась доплачивать авиакомпании за багаж, у меня и так после покупки билетов до сих пор ощущение, что меня обокрали.

Я как раз вступаю в неравный бой с очередным чемоданом на колёсиках, пытаюсь утрамбовать его на верхнюю полку, когда прямо над ухом раздаётся откровенно недовольный мужской голос:

– Это всё ваше великолепие?

Я замираю, сдуваю упавшую на лицо прядь и оборачиваюсь, моментально ошетиливаясь.

Высокий. Широкоплечий. Слишком красивый и вылизанный, что аж зубы сводит от раздражения.

Идеально белая футболка, которая облегает ровно там, где надо, тяжёлые дорогие часы, на запястье, ухоженная щетина.

Но хуже всего – выражение лица. Такое бывает у людей, которые с детства привыкли, что мир вращается вокруг них, и которые точно будут отчитывать официанта за неправильный угол нарезки лимона в чае.

– Представьте себе, – сухо чеканю я, даже не пытаюсь быть вежливой.

Мужик лениво окидывает взглядом наши баррикады из сумок, затем переводит взгляд на меня и снисходительно хмыкает.

– Смело. Обычно люди всё-таки оставляют немного места другим пассажирам.

Ленка рядом виновато втягивает голову в плечи, готовая извиняться, а с меня за секунду слетает весь мой вымученный у психолога дзен.

Терпеть не могу таких мужиков.

Они всегда смотрят на тебя так, будто ты по умолчанию обязана извиниться за сам факт своего существования в их безупречном поле зрения. Антон смотрел на меня точно так же в последний год нашего брака.

– Не переживайте, – я растягиваю губы в максимально сладкой улыбке. – Вашему эго места здесь точно хватит. Оно, судя по всему, компактное.

Ленка издаёт странный звук, похожий на писк подавившейся мыши, и прячет лицо в ладонях.

А этот тип замирает на секунду, а затем медленно, нарочито неторопливо скользит по мне взглядом.

С головы до ног. Изучающе. Нагло.

И почему-то именно от этого оценивающего взгляда мне становится по-настоящему не по себе – так, что хочется немедленно прикрыться чемоданом, как щитом.

– Я за эго не переживаю. Я больше переживаю за кресло, – лениво произносит он, устраниваясь в соседнем ряду через проход. – Бизнес-класс, конечно, просторный... но не до такой степени. Просто будет неловко, если вы застрянете в кресле.

До меня смысл его слов доходит не сразу.

Кажется, проходит пара секунд, прежде чем до моего мозга добирается ядовитый подтекст.

«Застрянете».

Вот урод!

Я стою, вцепившись в ручку чемодана, и чувствую, как щёки обдаёт жаром.

И это не краска стыда. Это самая настоящая ярость, смешанная с моей самой глубокой, самой больной паранойей по поводу собственного веса.

Какое счастье, что между нами сейчас сидит Ленка.

Потому что иначе я бы совершенно точно не удержалась и заехала ему по его безупречной физиономии пакетом из дьюти-фри.

Глава 2

К счастью, после нашей небольшой перебранки этот невозможный тип почти всё время спит.

Разваливается в своём кресле так вальяжно, будто этот самолёт принадлежит ему. Отворачивается к иллюминатору и больше не отпускает ни одной своей идиотской колкости.

И слава богу. Ещё пара минут в таком напряжении – и кто-нибудь из нас точно не долетел бы до отпуска без телесных повреждений.

Хотя, если быть честной с самой собой, больше всего меня бесит даже не факт того, что какой-то самодовольный мудака решил вслух пройтись по моим габаритам.

К подобным комментариям я, к огромному сожалению, давно привыкла.

Люди вообще почему-то свято верят, что чужое тело – это общественное достояние, которое можно и нужно комментировать. Особенно женское. Особенно если женщина не весит сорок килограммов и не питается солнечным светом вприкуску с чувством вины.

Проблема в другом. Этот гад, сам того не зная, ударил ровно в ту больную точку, которую я весь последний год пыталась залепить пластырями из терапии.

Потому что весь этот год я только и делала, что пыталась стать меньше.

Худела до голодных обмороков. Срывалась. Снова худела.

Скупала абонементы, скачивала десятки приложений с подсчётом калорий, покупала фитнес-марафоны и крошечные спортивные лосины, в которые однажды – я поклялась себе в этом – должна была обязательно влезть.

А потом, после недель истязаний, сидела ночью на кухне с банкой шоколадного мороженого и ненавидела себя за слабость до подступающей тошноты.

И хуже всего, что даже сейчас, после развода, голос Антона всё ещё звучит у меня в голове.

«Меня смущает твой размер, Маш».

Кажется, что это не человек сказал вслух, а кто-то выжиг эти слова у меня на подкорке раскалённым железом.

Чтобы заткнуть этот голос, я с особенным удовольствием беру у проходящей мимо стюардессы ещё один бокал вина. Делаю большой жадный глоток и заставляю себя смотреть куда угодно – на спинку впереди стоящего кресла, на Ленку, – только не на вылизанного придурка через проход.

У меня отпуск. Море. Солнце. Дорогой отель. И новая жизнь.

По крайней мере, я очень стараюсь убедить себя, что она действительно новая.

Ленка рядом уже тихо хихикает над каким-то сериалом на планшете, периодически толкая меня локтем, чтобы показать особенно нелепые моменты, и я чувствую, как постепенно начинаю расслабляться.

Вино приятно шумит в ушах, самолёт монотонно гудит, за иллюминатором плывут ослепительно-белые облака, и впервые за очень долгое время внутри становится как-то спокойно.

Я вообще почти не пью последние полгода.

После развода алкоголь слишком быстро начал превращать меня в женщину, которая в два часа ночи заказывает пиццу и пытается написать бывшему мужу что-нибудь ледяное и гордое.

Так что меня развозит буквально с пары бокалов.

К моменту посадки мы с Ленкой уже подозрительно весёлые. Особенно я.

Меня ощутимо ведёт ещё в аэропорту, а горячий влажный воздух курорта, ударивший в лицо на выходе из терминала, окончательно добивает остатки трезвости.

Кажется, я начинаю искренне улыбаться вообще всему подряд: пальмам, усатому таксисту, фонтану и даже собственному слегка помятому отражению в стеклянных дверях.

– Маш, ты только не потеряйся по дороге, – подозрительно щурится Ленка, пока нас ведут к трансферу от отеля. – Я взрослая, абсолютно самостоятельная женщина, – с максимальным достоинством парирую я.

– Эта взрослая женщина пять минут назад пыталась погладить декоративный куст в зоне прилёта.

– Он выглядел дружелюбно!

Ленка звонко ржёт, а я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не раскинуться на заднем сиденье минивэна с грацией королевы, и просто довольно прикрываю глаза.

Господи! Как же круто!

Я реально на море. Не дома. Не на работе с её дедлайнами. Не в спортзале, где тренер с лицом садиста заставляет меня делать выпады и «чувствовать ягодички».

Жизнь внезапно перестаёт казаться затянувшейся катастрофой.

Отель оказывается ровно таким, как на отфотошопленных картинках: необъятный холл, спасительный прохладный воздух после уличного пекла, сияющий мраморный пол, тонкий запах дорогого парфюма и портье с настолько безупречными улыбками, что мне хочется проверить, не работают ли они тут по контракту с зубной феей.

Пока Ленка у стойки героически пытается объясниться с персоналом на дикой смеси школьного английского, паники и активных жестов, я получаю свою пластиковую ключ-карту.

В голове стучит только одна мысль: если я прямо сейчас не приму горизонтальное положение, то просто рухну и усну посреди всего этого великолепия.

До номера я добираюсь на автопилоте. Он открыт, там уборка, но мне всё равно. Мне главное – до кровати доползти.

Скидываю босоножки, роняю сумку прямо на пол и валяюсь на огромную, поразительно мягкую кровать.

Прямо поверх покрывала. В угасающем сознании мелькает здравая мысль что надо бы хотя бы умыться и смыть макияж, но гравитация оказывается сильнее.

Мне кажется, я только закрыла глаза, как меня кто-то начинает настойчиво трясти за плечо.

Сначала осторожно, а потом так, словно пытается вытрясти из меня душу.

Я недовольно мычу и отмахиваюсь, потому что мой организм категорически не согласен возвращаться в реальность.

Где-то над головой раздаётся мужской, слишком раздражённый голос для человека, который имеет наглость мешать другим спать.

Он что-то настойчиво говорит, но слова в моём затуманенном вином мозгу сливаются в одну невнятную кашу.

Господи, ну чего от меня надо? Ленка, что ли, карточку от номера потеряла?

– Идите в жопу, – совершенно искренне и сонно бормочу я.

Нашупываю непослушными руками подушку и натягиваю её на голову, чтобы спрятаться от реальности.

Судя по тяжёлому, выразительному вздоху, человек рядом предложенный маршрут не оценил.

Ну и ладно.

Я честно пытаюсь снова провалиться в спасительное забытие, и у меня это даже получается. На какое-то время.

А потом я просыпаюсь.

Резко. Словно кто-то нажал на кнопку включения.

Первое, что я вижу перед собой, едва разлепив тяжёлые веки, – мужской торс. Голый. И очень близко.

Несколько секунд я просто тупо моргаю, глядя на ровный загар и ключицы, и пытаюсь заставить шестерёнки в голове крутиться.

Почему в моей дорогушей отельной постели лежит посторонний полуголый мужик?

Господи, это что у них тут такой расширенный сервис для элитных гостей?

Мозг отчаянно отказывается сотрудничать.

Затем мой расфокусированный взгляд ползёт выше.

Я узнаю лицо, и внутри всё мгновенно обрывается, ухая куда-то в район желудка.

Твою. Мать.

Это же тот самый бугай из самолёта. Любитель комментировать чужие габариты.

Я дёргаюсь в сторону так резко, что мир перед глазами опасно кренится и плывёт.

В висках моментально начинает стучать с такой силой, будто внутри черепа бригада крошечных рабочих решила устроить внеплановый ремонт перфоратором.

К горлу тут же подкатывает тошнота.

Отлично, Маша. Просто великолепно.

Снимаю шляпу перед твоим талантом устраивать катастрофы на ровном месте.

Прилетела на море отдыхать, напилась в самолёте после полугода безупречной трезвости и каким-то непостижимым образом проснулась в одном номере с мужиком, которого ещё несколько часов назад планировала хладнокровно придушить лямкой от чемодана.

– Вы что здесь делаете?! – хрипло выдаю я. Пытаюсь одновременно натянуть на себя сползшее одеяло, удержать равновесие на краю матраса и сохранить хоть какие-то остатки достоинства. – Вы маньяк? Вы меня преследуете?!

– У меня, вообще-то, тот же вопрос, – мрачно отзывается он. А в голосе столько яда, что хватит на небольшую змеиную ферму.

Я несколько секунд тупо смотрю на него, судорожно сжимая в пальцах край одеяла. В голове – звенящая пустота, сквозь которую пробивается только пульсирующая боль в висках. Я отчаянно пытаюсь собрать мозг обратно в рабочее состояние, но пазл не складывается.

Какой ещё вопрос? Как он вообще сюда попал? Куда делась Ленка? И почему на мне всё ещё моя помятая дорожная одежда, а он... так возмутительно комфортно устроился на моей кровати?

– В смысле?.. – выдавливаю я, чувствуя себя невероятно глупо.

Он даже не утруждает себя тем, чтобы приподняться или прикрыться. Мрачно замечает.

– Пить меньше надо, женщина.

Глава 3

– Вы вообще о чём?! – я возмущённо вскидываюсь, натягивая на себя одеяло до самого подбородка, словно это рыцарская броня. Голова от резкого движения взрывается новой порцией боли, но адреналин сейчас сильнее. – Немедленно выметайтесь из моей комнаты! Я сейчас на ресепшен позвоню! Охрану вызову!

Мужик даже не шевелится. Только бровь выгибает с таким убийственным превосходством, что мне хочется его чем-нибудь стукнуть. Жаль, под рукой только подушка.

– Из *вашей* комнаты? – переспрашивает он, и губы его кривятся в откровенно издевательской усмешке. – Вы уверены? А то мне казалось, что при заселении я именно за неё платил. Но если вы настаиваете на совместном проживании, беспардонная вы моя...

– Какая я?! – задыхаюсь я от возмущения. – Да как вы смеете! Если это ваш номер, то как я, по-вашему, сюда вошла?! Сквозь стену прошла, умник?!

Мой напор, видимо, начинает его утомлять. Он тяжело, со свистом выдыхает, окончательно теряя остатки вежливости.

– Да без понятия, чёрт возьми! – рывкает он, сдвигая брови. – Видимо, наглость реально города берёт! Может, через балкон перелезли, пока я в душе был!

– Я?! Через балкон?! – мой голос срывается на ультразвук. – Да на кой чёрт мне это сдалось?! Я вас вообще впервые вижу! Вернее, второй раз, и лучше бы не видела! И вообще, я высоты боюсь до панических атак!

– Откуда же мне знать, что творится в голове у пьяной женщины, жаждущей приключений на новом месте, – парирует он, лениво скрещивая руки на своей широкой, идеально загорелой груди.

– Я, вообще-то, не пью! – с жаром выкрикиваю я, хотя где-то на задворках сознания совесть робко напоминает про выпитое в самолёте вино.

– Да что вы? – он откровенно смеётся мне в лицо. – Верится с трудом, учитывая стойкое амбре и ваше текущее местоположение на моей простыне.

– Ах так?! – я вскакиваю с кровати, путаясь ногами в покрывале и едва не падая на шикарный ковёр. – Я сейчас подругу позову! Она вам всё подтвердит! И про алкоголь, и про то, что это мой номер! Вы ещё извиняться будете!

Я разворачиваюсь и, гордо вздёргнув подбородок (насколько это возможно в помятой дорожной одежде и с гнездом на голове), вылетаю в коридор, с силой захлопнув за собой тяжёлую дверь.

И только оказавшись в ярко освещённом холле, резко торможу.

Так. Стоп.

Я стою посреди длинного, устланного ковровым коридора с одинаковыми дверями и понимаю две вещи. Первая – я вылетела из номера без сумки, телефона и ключа. Вторая – я понятия не имею, в каком номере живёт Ленка. Мы ведь брали смежные!

Господи, 312? Или 314?

Я растерянно топчусь на месте, обхватывая себя руками, когда откуда-то из-за поворота раздаётся быстрый цокот каблучков.

– Маша!!!

Ленка налетает на меня коршуном. Сначала она с такой силой стискивает меня в объятиях, что у меня хрустят рёбра, а потом резко отстраняется и встряхивает за плечи. Глаза у неё дикие.

– Ты где была, ненормальная?! – шипит она, явно сдерживаясь, чтобы не перейти на крик. – Я тебя потеряла! Мы с администратором уже час по всему отелю носимся! Я все бары проверила, пляж обошла! Я уже в полицию хотела идти, думала, тебя украли!

– В какую полицию? – растерянно хлопаю я глазами, всё ещё находясь в боевой готовности после перепалки. – Я в номере своём была. Спала! А там этот... хам из бизнес-класса!

Ленка замирает. Медленно моргает, пытаюсь переварить информацию.

– В каком номере ты была, Маш?

– Ну в своём! В нашем!

Позади меня раздаётся тихий, бархатный и до одури издевательский смешок.

Волоски на затылке встают дыбом. Я медленно оборачиваюсь.

Дверь, из которой я только что с таким пафосом вылетела, приоткрыта. Бугай стоит в проёме, лениво прислонившись плечом к косяку. Всё такой же полутолый, насмешливый и убийственно спокойный.

Ленка переводит взгляд с него на меня, потом на соседнюю дверь. И молча, дрожащим пальцем, указывает на неё.

– В этой была? – сипло спрашивает она, тыча пальцем в номер 315.

Я смотрю на табличку. Потом на дверь бугая – 317. Потом снова на табличку 315. Мозг, наконец-то протрезвев, окончательно, складывает картинку: горничная убиралась, дверь была приоткрыта, я зашла в первую попавшуюся и рухнула на кровать.

– Нет, – мой голос садится до жалкого писка. – Я... перепутала.

– Как перепутала?! – у Ленки отвисает челюсть.

– Ну вот... как-то перепутала, – я втягиваю голову в плечи, мечтая провалиться сквозь роскошный отельный ковролин прямо на нулевой этаж. К чемоданам.

Бугай снова хмыкает.

– Потрясающая навигация, – едко комментирует он, глядя на меня сверху вниз. – Хорошо хоть кровать нужную нашла, а не в шкафу уснула. Трезвенница.

Щёки вспыхивают так, что, кажется, сейчас загорятся волосы. Вся моя праведная ярость лопается, как дешёвый воздушный шарик. Я стою под прицелом его насмешливых глаз и взгляда обалдевшей Ленки, чувствуя себя самой большой идиоткой на всём побережье.

– Извините, – выдавливаю я, сгорая от стыда и не поднимая на него глаз. – Я, правда, случайно. Можно я... свои вещи заберу? Там сумка осталась. И босоножки.

Глава 4

Свой чемодан, сумку и сброшенные босоножки я забираю под аккомпанемент Ленкиного сдавленного хрюканья и снисходительное молчание бугая. Как только за нами закрывается дверь моего – теперь уже точно моего, мать его, 315-го номера! – подругу прорывает.

Она падает на гигантскую двуспальную кровать и заходится таким истерическим хохотом, что у неё на глазах выступают слёзы.

– Не, ну ты даёшь! – задыхаясь, выдавливает Лена, хватаясь за живот. – Я её по всему побережью с собаками ищу, а она в соседнем люксе с полуголым Аполлоном прохлаждается!

– Лен, прекрати, – глухо отзываюсь я.

– Нет, стой, – выдавливает она, шумно хватая ртом воздух. – Давай ещё раз. Ты выпила вина. Зашла не в тот номер. Легла спать. Проснулась в койке с полуголым мужиком, которого ненавидишь. И начала на него орать. Это... Маш, это сценарий для комедии. Честное слово. Я бы заплатила, чтобы это увидеть вживую от начала до конца.

– Рада, что развлекла. Хоть кому-то весело.

– А он, кстати, ничего так, – Ленка вытирает мокрые от смеха глаза и плюхается в кресло, закидывая ноги на пуфик. – Серьёзно. Я его в самолёте толком не разглядела, а сейчас... Очень даже. Рельефный. И лицо такое, знаешь, волевое. Не то чтобы я одобряла его манеры, но внешность определённо на уровне.

– Лен.

– Что «Лен»? Я серьёзно. Он красивый. Как породистый конь. Злой, конечно, но это даже добавляет перчинки. Ну, признай.

Я смотрю на неё исподлобья и молчу. Ленка широко улыбается и подаётся вперёд, сверкая глазами.

– Слушай, а вы там... ничего не успели? Ну, пока ты спала, а он, так сказать, был под боком? Может, твоя женская энергия сегодня прокачалась как надо?

– Да иди ты, – я швыряю в неё подушкой. Она ловко уворачивается, чувствуя, как горят от стыда уши. – Я просто ошиблась дверью!

– Поняла, поняла. Ничего не было. Судя по тому, как ты на него орала, даже намёка. Жаль. Очень жаль. А могла бы замутить. У тебя же год никого не было.

– Лен, я сейчас серьёзно. Мои любовники на сегодня – это подушка и тишина. И сегодня из номера я не выйду. Вообще.

– Нет, Маш, давай распаковывай купальник. Пошли гулять! Там такой пляж, бар у бассейна...

– Завтра, – я падаю на свою половину кровати и утыкаюсь лицом в прохладное одеяло. – Всё завтра, Лен. Сегодня я хочу спать. И только спать.

– Серьёзно? – подруга возмущённо фыркает. – Маш, ну и стоило платить такие бабки за отель, чтобы просто приехать и дрыхнуть? Мы так и дома могли!

Но я выдерживаю оборону. Сил спорить просто нет. Отмахнувшись от её возмущений, я выуживаю из косметички таблетку от головы, запиваю её тёплой водой из бутылки и торжественно обещаю себе больше никогда в жизни не пить. Ни глотка. Ни капли.

Потом кое-как доползаю до душа, смываю с себя липкий пот, дорожную усталость и остатки позора, а едва добравшись до подушки, отключаюсь без сновидений.

Утром меня будит грохот. Кажется, кто-то пытается пробить дверь нашего номера тараном. Я стону, натягивая одеяло на голову, но стук не прекращается.

– Машка! Вставай! – раздаётся из-за двери Ленкин бодрый голос. – Завтрак проспипшь!

Я с трудом разлепляю один глаз и смотрю на телефон. Восемь утра. Господи, за что? Тело ноет, голова тяжёлая, словно набитая ватой. Наверное, это климат так на меня влияет.

Акклиматизация, смена часовых поясов, стресс...

Но Лене, судя по всему, всё нипочём.

Когда я выпускаю её в номер, она выглядит так, будто уже успела сбегать кросс, сделать укладку и выпить три литра кофе.

Свежая, бодрая, в ярком летнем сарафане.

– Давай, шевели лапками! – поторапливает она. – На завтрак лучше ходить пораньше, пока народа мало и омлеты горячие. А то сейчас к десяти часам все повылазят, и начнётся толкучка за круассанами.

Я с мрачным лицом плетусь в ванную. Умываясь ледяной водой под непрерывный Ленкин щебет о том, какие тут красивые пальмы и что мы сегодня обязательно должны сфотографироваться у бассейна.

Ловлю своё отражение в зеркале. Отёкшая, помятая, с кругами под глазами. Щебет Ленки невероятно раздражает. Надо было ехать одной.

Натянув лёгкое льняное платье, я кое-как расчёсываю волосы, нацепляю тёмные очки, чтобы скрыть следы недосыпа, и мы выходим из номера.

В коридоре тихо, только мягко шуршит кондиционер. Я делаю шаг по направлению к лестнице, Ленка что-то весело щебечет мне на ухо, когда из-за поворота, прямо наперерез нам, выворачивает пара.

Я слышу характерный стук колёсиков дорогого чемодана по плитке, поднимаю голову... и замираю.

Нос к носу передо мной стоит Антон. Мой бывший муж.

В стильном льняном костюме, загорелый, с чемоданом в руке. А за локоть его по-хозяйски придерживает та самая длинноногая брюнетка. В шёлковом топе и микрошортах, открывающих её безупречные, стройные ноги.

Они, видимо, только-только заехали.

Моё сердце сначала останавливается, а потом ухает куда-то в пятки.

Воздух мгновенно исчезает из лёгких.

Весь тот прогресс, все те сеансы у психолога, все попытки «полюбить себя» – всё это обваливается за одну секунду.

Я снова чувствую себя той самой брошенной, жалкой и «занимающей слишком много места» женой.

Но Антон несколько не смущается.

Его брови удивлённо ползут вверх, а затем лицо расплывается в широкой, совершенно искренней и радостной улыбке. Как будто он встречает старую школьную приятельницу.

– Маша? Обалдеть, вот так встреча! – его голос звучит так легко и непринуждённо, что меня чуть не тошнит.

Он смеряет меня быстрым, оценивающим взглядом с ног до головы, и уголок его губ дёргается.

– Привет. А ты несколько не похудела.

Глава 5

На какую-то долю секунды я просто тупо смотрю на его самодовольную ухмылку, чувствуя, как щёки заливают предательским жаром.

Рядом задыхается от возмущения Ленка, готовая броситься в бой, но защитная реакция моего организма срабатывает быстрее инстинкта самосохранения.

Мозг просто выплёвывает первое, что приходит на ум:

– А ты, я смотрю, несколько не поумнел, Антон, – отзываюсь я, поправляя тёмные очки на голове. – Стабильность – признак мастерства.

Брюнетка рядом с ним недовольно поджимает губы, но Антон даже не думает обижаться.

Он лишь снисходительно хмыкает и скользит взглядом по моей фигуре, а затем переводит глаза на Ленку.

– А ты, значит, с подружкой приехала отдыхать? – он тянет слова, и на его лице появляется улыбочка. – Понятно. Ну, в принципе, я другого и не ожидал. Клуб одиноких разведёнок на выезде? Смотрите только, с местными аниматорами поосторожнее, а то оберут до нитки. И с парнями в баре тоже.

Мой внутренний стоп-кран окончательно срывает.

Ярость, обида и этот проклятый комплекс неполноценности сливаются в один гремучий коктейль.

Я просто физически не могу позволить ему смотреть на меня свысока.

Не сейчас. Не после того, как он унизил меня на глазах у всех.

Мой рот открывается раньше, чем мозг успевает оценить масштабы надвигающейся катастрофы.

– Я, вообще-то, здесь с мужем, – ляпаю я с абсолютно каменным лицом.

Ленка рядом издаёт странный сдавленный звук – то ли кашель, то ли предсмертный хрип.

Я незаметно, но сильно наступаю ей на ногу, чтобы она молчала.

Антон замирает. Улыбка на долю секунды сползает с его лица, уступая место искреннему недоумению, но тут же возвращается, став ещё более ехидной и недоверчивой.

– Да ладно? – он откровенно веселится. – С мужем? И когда ты только успела? Что-то я не слышал, чтобы ты замуж выходила.

– А ты что, следишь за моей жизнью? – я вздёргиваю подбородок.

– Да больно надо, – фыркает бывший муж, перекладывая ручку чемодана в другую руку.

– Но я уверен: если бы ты умудрилась снова выскочить замуж, все твои неутомонные родственнички уже давно заполнили бы фотками весь интернет. Твоя мать точно раструбила бы об этом на каждом углу, чтобы доказать, что ты кому-то нужна.

Козлина!

Сердце стучит так громко, что отдаётся в висках.

Я рою себе гигантскую яму с каждым сказанным словом, и понимаю это, но остановиться уже не могу. Обратного пути нет.

– У нас была скромная регистрация, – парирую я, скрешивая руки на груди, чтобы скрыть лёгкую дрожь в пальцах. Смотрю прямо ему в глаза, стараясь вложить в голос максимум пренебрежения. – Только для двоих. Знаешь, Антон, второго такого пафосного цирка, как наша с тобой свадьба, я бы просто не выдержала. Хватило на всю оставшуюся жизнь.

Антон картинно закатывает глаза и снисходительно усмехается.

– Ну супер. Поздравляю, – тянет он с такой интонацией, будто я совсем не верит. С чего бы? – Наверное, у твоего мужа просто стальные нервы. И ангельское терпение. Я бы, если

честно, с огромным удовольствием с ним познакомился. Прямо очень хочется посмотреть на этого героя...

И в этот самый момент, словно по какому-то издевательскому закону подлости рядом со мной появляется высокая, широкоплечая фигура. Бугай.

Мой сосед из 317-го номера.

Сейчас он одет в белое поло и бежевые шорты и выглядит так, словно только что сошёл со страниц журнала про яхты и миллионеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.